18+

Сергей Семенов

Владимир Путин — гений мира

Сборник стихов

Сергей Прокофьевич Семенов

Владимир Путин – гений мира. Стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21547784
ISBN 9785448326530

Аннотация

Красивые поэтические шедевры – это мотивация к созиданию и стремление к лучшему, это способность дать человеку возможность видеть красоту, слышать красоту, ощущать красоту и этим наслаждаться. Поэтому прежде чем читать эту книгу, внимательно изучите ее содержание и решите для себя: а стоит ли ее читать? Или надо ограничиться этим изучением и остановиться на краю пропасти неизведанного и не испытывать свою судьбу. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

«Владимир Путин – Президент России…» 7
«Рыдают женщины и дети…» 9
«Вытерать не будем слезы…» 11
«Я не требую счастья много…» 13
«Три «идиота» обрубили…» 15
«Сегодня я силен, как прежде…» 17
«Снежная буря Россию сожмет…» 19
«Глубокий сон моей мечты…» 21
«Все разыграли, как в тихом кино…» 23
«Волшебный звук твоей души…» 25
«Умер президент России —…» 27
«Зачем я нежностью рожден?» 29
«Снежная буря терзает…» 31
«Узнайте радость неподдельную…» 33
«Она: Голубую комнату разврата…» 35
«Любила влюбленная пара…» 37
«Снежный ураган расстроил…» 39
«Разрушен мой чудесный дом…» 41
«Мне грустно очень иногда…» 43
«Огорошен словами ее…» 45
«Одичала в лесу одна…» 47
«Раскрылось небо голубое…» 49
«Волнение юности проходит…» 51

«Коленки острые поймал…» 53
«Зачем ты, гордая, ушла…» 55
«Несчастье с шумом ворвалось…» 57
«Люблю я голоса надрыв…» 59
«Зреет месть, зреют дерзкие мысли…» 61
«А характером Петр: буйный…» 63
«Наивные люди…» 65
«Смешная золотая осень…» 67
«Утром однажды я не проснулся…» 69
«Культяпый «хрен» дорвался до страны…» 74
«Вечернее платье надела…» 76
«Человек, не достоин ты смерти…» 78
«Шло тихо время пьяного «царя…» 80
«Мой отец – герой Варшавы…» 82
«Открывается равнина…» 84
«А в апреле, вроде, жарко…» 86
«Ты отмучился недавно…» 88
«Не воскресить былое величие…» 90
«Взорвалось вновь мое недовольство…» 92
«Королем я не родился…» 94
«Где наивная Матрена?» 96
«Я грешить всегда желаю…» 98
«Зачем вор во власть приходит?» 100
«Что ж, ты, сука, наделала…» 102
«Горят в костре, но не дрова…» 104
«Трудиться в поле – не любить…» 106

«Зелень мир спасает мой…» 108
«Что ж, ты наделала, сука?» 110
«Монотонно дождь стучит…» 112
«Положила колдунья на смерть…» 114
Конец ознакомительного фрагмента. 115

Владимир Путин – гений мира Стихи

Сергей Прокофьевич Семенов

© Сергей Прокофьевич Семенов, 2016

ISBN 978-5-4483-2653-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Владимир Путин – Президент России…»

Владимир Путин – Президент России
Торжественно Россию создает,
Ведет народ вперед красиво,
От Бога милости не ждет.

Россия – новая Россия,
С колен ты гордо поднялась,
Свое могущество забыла,
Но за гроши не продалась.

Твой повелитель – крепкий лидер,
Народный воин и герой.
Его взрастил Великий Питер,
Ему понятный и родной.

Владимир Путин – он трудяга:
Вся жизнь его – великий труд.
И государственные блага,
Хоть постепенно, но растут.

Он – собиратель земли русской.
Он Крым Великий возвратил,
Владивосток и Остров Русский

Стальным мостом соединил.

Лицо великого народа
Россия вновь приобрела.
И торжествует вся природа.
Растет зеленая трава.

«Рыдают женщины и дети…»

Рыдают женщины и дети,
Рыдают даже старики.
Террор шагает по планете
И сеет смерть на всем пути.

После него лишь разрушенья,
Могилы, белые кресты,
И всей Вселенной возмущенье
От малой до большой звезды.

Природа корчится в мученьях:
Озера, степи и поля
Не видят близкого спасенья,
Не видно им смертям конца.

Погода нравом поостыла:
Сковал ее животный страх,
Гор тишину вдруг полюбила.
Придет, наверно, скоро крах.

Крах мирной жизни на планете
И счастья крах простых людей.
Истоки жизни в солнечном свете
Ни для людей, а для зверей.

Молитесь люди, все молитесь!
Молитвы Ваши Всевышней ждет.
России низко поклонитесь:
Владимир Путин Вас спасет.

«Вытерать не будем слезы…»

Вытерать не будем слезы
Мы ни с сердца, ни с души.
Страх страданий и угрозы
В своем теле заглуши.

К жизни мертвых не вернуть,
А душевные страданья
В колесо надо согнуть,
Как ненужное желанье.

Чтобы ровно покатилась
В рай бессмертная душа,
Чтобы смерть не возвратилась,
Чтобы слез на полгроша.

А жестокость и пороки
С диких гор большой рекой,
Бесконечны в них истоки,
Лед холодный молодой.

Обесточено желанье,
Заморожен страсти ход.
От безумья и страданья
В горы, в тягостный поход.

Заболели наши души,
Заболели и сердца.
По воде или по суше,
Но пройдем путь до конца.

«Я не требую счастья много…»

Я не требую счастья много.
Мне б кусочек небольшой.
Я прошу об этом Бога
В этот вечер голубой.

Звезд пока еще не видно,
И не выплыла луна.
И из нор не вышло «быдло»,
Не заплакала роса.

Не растрачу свою радость:
Сила воли через край.
Но под вечер только слабость:
Хоть рыдай, хоть не рыдай.

Я не требую веселья.
Я смеяться не хочу.
Мое тело для безделья
Не готово – зарычу.

Лес уже меня не скроет:
Засветился я в лесу.
Ветер вновь тревожно воет.
Треплет леса красоту.

На поляне отдыхаю:
Я жду выхода луны.
В траве силу собираю
Ни для сна, а для борьбы.

«Три «идиота» обрубили…»

Три «идиота» обрубили
Союза крепкого, людей.
В лесу немного подолбили
И превратили всех в зверей.

Среди людей мы тоже были:
Брели все вместе на заклад.
И честь, и совесть все забыли,
Как будто посулили клад.

Взорвали чудное мгновенье
И на троих распили штоф,
И осенило озаренье
Всей гениальностью борцов.

Создали новое строенье
И закрепили на крови.
И чье-то, слушая вновь пенье,
Точили шумно «топоры».

Устали очень от работы,
Пошли попариться втроем,
Чужие оголив заботы,
Разрушили мой крепкий дом.

Я от обиды не рыдаю.
Я злость свою не берегу.
И тех троих я проклинаю.
Их души в ад я отведу.

«Сегодня я силен, как прежде…»

Сегодня я силен, как прежде,
И не помеха седина.
В успех я верю, и надежде
Моя вся сила отдана.

Я поднимаю кверху руки,
Срываю листья вновь с берез
И забываю о разлуке
И о тепле горячих слез.

Мне то тепло сковало душу
И в бездну сбросило с горы,
Потом подбросило на сушу
На время, или до поры.

До той поры, когда волненье
Не будет трогать тишину,
А ветра тихое движенье
Не повредит пейзаж в лесу.

Очарованье и воздушность,
И сказки русской волшебство,
Кустов зеленых ряда кучность,
И в озере мое лицо.

Туман я тихо поднимаю,
Его вдоль берега несу
И вечер черный обнимаю,
Не разрушая красоту.

«Снежная буря Россию сожмет…»

Снежная буря Россию сожмет
До Подмосковья большого.
Кто-то не знает, а кто-то ждет
Рая уже неземного.

Был и Союз. И Держава была,
Строгость вовне соблюдала.
Мощной и сильной была страна
И уважать заставляла.

Только культяпый кормить не хотел
Членов большого Союза,
На Горбачева немного присел,
Сбросив с себя часть груза.

Думал народ, что счастье нашел,
Радость, великие блага.
Царь справедливый на трон взошел,
С ним же воров ватага.

Грабили с гиком лихо страну,
С пьяным царем Борисом,
Бедностью били народ по лицу,
Но завалили рисом.

Жри ты и пей ты, нищий народ,
В роскоши, в славе купайся,
Тихо свободу засунь себе в рот
И капиталу продайся.

«Глубокий сон моей мечты…»

Глубокий сон моей мечты
Я потревожить не смогу.
Остаток жизни и любви
Я в тихой славе проведу.

Я с детских лет всегда мечтал
Стать знаменитым на земле.
Я с детских лет стихи писал
О тихом лесе, о себе.

Любил бродить я по полям
И слушать поля тишину.
Любил бродить я по лугам,
Сбивая нежную росу.

Роскошный день, роскошный свет —
От солнца яркого подарок.
А ночью мне дает совет
Луна за десять черных марок.

Я жить стараюсь, не греша,
Заветы Бога соблюдать.
Я жить стараюсь, не спеша,
И, если нужно, просто ждать.

Прихода нежной красоты
В тумане бешеных страстей.
Прихода вечности в любви
Среди людей, среди людей.

«Все разыграли, как в тихом кино…»

Все разыграли, как в тихом кино,
Как на военной карте.
Бросили лихо народ весь в дерьмо
В месяце странном, в марте.

И Горбачев, и Ельцин больной
Предали радость Союза.
Первый дробил вместе с женой,
А второй – под тяжестью груза.

Пьяного груза, принявши на грудь,
В пьяном угаре безумца,
Лихо историю решил развернуть
В хохоте бедного думца.

Стоны не слыша, не слыша мольбы,
Бил от души по морде,
Не пощадил народной судьбы
«Царь-душегуб», в народе.

Сколько ты выстрадал, бедный народ,
Сколько еще пострадаешь.
Били и в зубы, били и в рот.

Что тебя ждет, не знаешь?

Пьяница, вроде, совсем уже слег:
Флагом России прикрыли.
Только народ по-прежнему лох:
Бьют олигархи, как били.

«Волшебный звук твоей души…»

Волшебный звук твоей души
Никто не слышит в тишине.
Никто не сможет о любви
Мне откровенно рассказать.

Хотя об этом не прошу,
И много лет к чужой судьбе
Я обратиться не смогу,
От горя чтобы не страдать.

Волненье сказочных друзей
Не тронет нас уже с тобой.
Но передается на зверей
Волненье их, как свет лучей.

Хочу умыться я росой
Или студеною водой
Из родника, что под горой,
Многообразием ключей.

Я на вершину поднимусь
Святой горы – Новый Афон —
И никогда не разобьюсь,
Сорвавшись, сброшенный орлом.

Терпеть я буду боль свою
И не услышит никто стон.
И потому я не умру,
Хотя открытый перелом.

«Умер президент России —…»

Умер президент России —
России первый президент.
А жизнь прожил, вроде, красиво,
Хотя носил брезент,

Когда он был прорабом
На стройке небольшой.
Питался большим крабом
И запивал водой,

Когда владел обкомом,
Как вотчиной своей.
Все было диким комом
Для Родины моей,

Когда Москву возглавил
И «убивал» людей:
Райкомы обезглавил,
Как бешеных зверей.

Когда Союз разрушил
И Кремль «захватил»,
Покой людей нарушил
И полстраны «пропил».

Когда ушел позорно,
Досрочно из Кремля,
Без зычных звуков горна,
Но в ярости огня.

«Зачем я нежностью рожден?»

Зачем я нежностью рожден?
Зачем со всеми – ласковый?
С приятным девичьим лицом,
А телом – кастовый.

Зачем волнуюсь каждый раз,
Когда меня целуют?
Не отрываю своих глаз,
Когда меня ревнуют.

Зачем страдаю я от слов
Ни ласковых, ни нежных?
Не осуществит никто отлов
Холодных звезд, звезд снежных.

Зачем от века отстою,
Когда бегу по звездам?
Я верность Богу сохраню
И не поддамся черта козням.

Зачем вновь трепетная лань
По сердцу пробежалась?
Зачем кричит мне вновь черт: встань?
Душа вновь разболталась.

Зачем я нежностью рожден
В потоке мракобесья?
Зачем развратом возбужден?
Добра и зла – разбавлен смесью.

«Снежная буря терзает…»

Снежная буря терзает
Сердце мое и твое.
Только никто не узнает.
Кто тебя бьет в лицо?

Может быть, это любимый.
Может быть, это злодей,
Или ветер незримый,
Или нахал из людей.

Спрашивать я не буду:
Тайна твоя – не моя.
Но синяки, – не забуду,
Видно, уже никогда.

Хочется искренне верить,
Что не нарушен закон.
Только нельзя проверить,
Даже когда слышен стон.

То ли от боли стонала,
То ли душа больна,
Или от злости рыдала,
Лежа поперек стола.

Снежная буря смеется
Не над тобой – надо мной.
Радость уже не вернется
Талой водой голубой.

«Узнайте радость неподдельную…»

Узнайте радость неподдельную,
Внесите в жизнь мою печаль
И скиньте обувь немодельную,
Сорвите черную вуаль.

Нельзя расстроиться от взгляда,
Нельзя волненье передать,
Всем видом показать: не рада,
И всей душою все понять.

Но я от ваших глаз немею,
Волнуюсь, словно юноша,
Пунцово-красным рдею
И понимаю: очень хороша.

Но, что мне сделать в перепалке взглядов?
Как холодность величья растопить?
Не удивляться новизне нарядов
И продолжать по-прежнему любить и жить.

Дыханье леса и дыханье сада
Мне не расскажут о движенье тел.
И вижу я: береза очень рада

И тополь встречи захотел.

Природа горечь исторгает гнилью,
Траву зеленую присыпала землей
И угостила вечером ванилью
Туман над голубой волной.

«Она: Голубую комнату разврата…»

Она: Голубую комнату разврата
Ты оставил только для меня,
Не хочу я к прошлому возврата,
Не люблю давно уже тебя.

Он: От души тебе я предлагаю
Голубой мечты моей жилье.
Без тебя я тяжело страдаю
И покрыто влагою лицо.

Она: Видеть хочешь ты меня рабыней,
Чтоб лежала ночью я у ног,
Чтобы мыла вместе с тетей Зиной
Твоей комнаты стальной порог.

Он: Кто тебе сказал такую глупость?
За слова его я накажу.
Никогда прощать не буду тупость
Никому, поверь мне, никому.

Она: Говоришь от сердца: мне приятно.
Говоришь хорошие слова.
Вроде, ясно и понятно.

Но тебе нет веры у меня.

Он: Голубая комната желанья:
О великом хочется мне петь.
Вечно не иссякнет обожанье.
Только на желанье ты ответь.

«Любила влюбленная пара…»

Любила влюбленная пара
Стоять у подножия гор.
Ждала их жестокая кара
Под толщью бетонных опор.

Но это нескоро все будет.
Все это еще впереди.
Любовь их дыханье разбудит
Великой священной любви.

И нежность, и ласка, и буря
Великих страстей до утра.
А резкое, дерзкое: «ДУРА!»
Подбросит вверх облака.

И стон сокрушительной болью
Пронзит их нагие тела.
Одежды изъедены молью.
Их образ забыт навсегда.

Но было великое, было.
И скорбь над могилой дымит.
Такое Россия забыла.
Такое Россию знобит.

И вечность, разбавив веками,
Взорвется торжественный звон,
Раздвинув бездну руками,
Посадит царицей на трон.

«Снежный ураган расстроил…»

Снежный ураган расстроил
Волшебное море зимы.
Любовный корабль построил
Великий вождь страны.

Рождались счастливые дети:
Разносится детский смех.
Лучший на белом свете
Белый искристый снег.

Родные весенние ночи,
Любимый весенний рассвет.
Любили вождя не очень:
Держали за то ответ.

Сибирь поглотила много
Заблудших сонных душ:
Не верили глупые в Бога,
Попав в ледяной душ.

Прощенья не попросили,
Терпели удар судьбы,
Грехи не замолили
Чужие и свои.

Надежда жила недолго:
Бросали тела в поток.
Великая река Волга.
Сибирский студеный проток.

«Разрушен мой чудесный дом…»

Разрушен мой чудесный дом:
Разрушена страна.
Ударил кто-то молотком:
Пробита голова.

Мой дом построен стариком:
Прадедом моей мамы.
Он был солдатом, был бойцом,
Отцом прекрасной дамы.

А дама выросла в саду
Среди цветов вульгарных,
Любила очень красоту
Парней во всем бездарных.

Влюблялась часто без причин,
Влюблялась без ума.
Немолодой – серьезный чин,
Ему и верная жена.

Сто лет прошло, разрушен дом,
Разрушена страна.
Я стал от страха дураком,
Но умная жена

Меня с постели подняла,
Отправила в поход,
Чтобы война взяла меня,
Но, не пустив в расход.

«Мне грустно очень иногда…»

Мне грустно очень иногда
Среди лесов, полей.
И тихо мается душа:
В молчанье соловей.

Мне очень хочется любить
Просторы русские страны
И в полной мере тихо жить
Под взглядом не своей жены.

Я разбежаться не могу
И броситься в колодец:
Себя я этим погублю,
Как резвый «коне-ходец».

Моя душа нехороша
Для разовой раскраски.
Ее не впустят небеса
Без смерти в белой маске.

Свое я тихо сохраню
Для долгого страданья.
А не свое я подниму,
Чтобы узнать желанье.

Желанье безмятежных дней.
Большое и родное.
Для русских и других людей:
В лицо их золотое.

«Огорошен словами ее…»

Огорошен словами ее.
Неожиданное движенье.
Полюбить ее нелегко.
Непонятное сожаленье.

Откровенно смотрел в глаза,
Всю жестокость понимая.
В них и лето, и зима,
И любовная злость неземная.

И готов я руку поднять
И с размаху ее ударить,
На куски ее порвать
И на углях в лесу поджарить.

Не всегда я так жесток,
Не всегда без зверских желаний.
Посажу высоко на шесток,
Поманю деревенской баней.

Я по-черному баню топлю:
Раскаленное сердце обманет.
Никогда я в бане не пью:
Это многих в парную манит.

Разберись в своих чувствах сама:
В этом деле никто не поможет.
Если осень или зима,
Сердце тайно волшебное гложет.

«Одичала в лесу одна…»

Одичала в лесу одна
Некрасивая голая баба.
Равнодушье и тишина:
Всему этому очень рада.

Возле озера ждет ее волк.
Полюбила его, рыдая.
Знает в ревности волчьей толк,
Но усталости в ней, не зная.

А в лесу весь березовый ряд
Разливает березовый сок.
Не пугает зеленый наряд
Ни Приморье, ни Дальний Восток.

Только серый и белый туман
Ее душу всю ночь обнимает.
То ли правда, то ли обман.
Или радуется, или страдает.

Искупалась в студеной воде,
Застудила корявые руки,
Не пожаловалась судьбе,
Не просила о разлуке.

Одичала в лесу одна
Безобразно нагая баба.
Задымилась под ней земля
От любви горячего «гада».

«Раскрылось небо голубое…»

Раскрылось небо голубое,
И солнце бросилось на луг.
А луга тело молодое
Не спряталось в толпе подруг.

И опаленное лучами
Иссохло кожей до старух,
С худыми синими ногами,
И под глазами черный круг.

Никто то тело не узнает,
Не прикоснутся пальцы рук.
А молодая пострадает
От старческих и странных мук.

Движенья глаз уже не стало.
Уже устала голова.
И тело горько зарыдало.
Упала рваная трава.

Никто не знает на планете —
Название ее – Земля.
Кто за старение в ответе?
Уходит, почему вода?

Еще ответа не услышал
И тайну эту не раскрыл,
Я на дорогу ночью вышел.
Я черта черного убил.

«Волнение юности проходит…»

Волнение юности проходит,
Серьезность разума растет,
А старость где-то тихо бродит,
И смерть ее в засаде ждет.

Пока еще мы молодые
И все случится впереди.
И вставим зубы золотые,
И отречемся от любви.

Пока еще мы не поняли,
Что нас давно ограбили,
Что Родину у нас отняли,
Наполнив душу «жабами».

И холодеет наша кровь,
И мерзнут наши руки.
Гноим чужую мы любовь
И требуем разлуки.

Волненье юности прошло,
И огрубели души.
И расстаемся мы легко
С водой морской и сушей.

Что остается за душой?
Где вечное, святое?
Где жизни ключик золотой
И что-то дорогое?

«Коленки острые поймал…»

Коленки острые поймал
Мой взгляд спокойный, равнодушный.
В вагоне я один не спал.
Вагон вонючий, душный.

Зачем смотрю на белизну
Чужого тела и молчу?
Познать мне трудно глубину
Всех мыслей по сонному лицу.

Вагон то движется, то вдруг
Объявят остановку.
И встрепенутся все вокруг
От сна, подняв головку.

Мне интересно посмотреть
На резкое движенье
И от сомненья одуреть,
И потерять терпенье.

Но заболела голова:
Ее долбит бессонница.
А мимо дикие леса,
Деревьев голых конница.

Коленки острые раздвинь
Девчонка незнакомая.
Небрежно ты одежды скинь,
Девчонка невесомая.

«Зачем ты, гордая, ушла…»

Зачем ты, гордая, ушла
Из сердца невлюбленного,
Его страданья забрала,
Годами убеленного?

Насколько жизнь ему продлив,
Себе укоротила.
И вспять пойдет морской прилив,
И зарастет могила.

Зачем ты, смелая, ушла
Из сердца сумасшедшего,
Его весь разум забрала
Для солнца не взошедшего?

А солнце разум иссушит
И выбросит над морем.
А море разум сокрушит
И насладится горем.

Зачем ты, глупая, ушла
Из сердца полюбившего?
Ты красотой его взяла,
Не дав блаженства высшего.

Ты обманула, ты врала,
Постелью совратила,
С лица всю кожу содрала,
В изгоя превратила.

«Несчастье с шумом ворвалось…»

Несчастье с шумом ворвалось
В волшебное создание.
И много звуков собралось
На палубе прощания.

Корабль тихо отойдет
От древнего причала,
Потом движенье разовьет,
Чтоб всех вновь укачало.

На берегу громада гор
Отстанет до обиды.
А корабельный сводный хор
Продолжит звуком виды.

Прекрасен хора мощный звук:
Дыхание родное.
И сотни сильных смуглых рук
Готовы на большое.

Презренье огненных стволов
В карманах беспредела.
И голосов открытых ртов
Желанного раздела.

Стучат моторов «молотки»,
Стабильное движенье.
А на корме стоят лотки
Не горького мгновенья.

«Люблю я голоса надрыв…»

Люблю я голоса надрыв
И звуков удаленье.
Но не люблю я мин подрыв:
Жестокое мгновенье.

Вразнос идет моя судьба,
И тело вновь без крови.
Моя рука, моя нога,
И подпалены брови.

А в голове какой-то шум
И дикое звучанье.
А мысли, вроде бы, без дум
И сердце без рыданья.

И вновь качается земля,
Уходит в преисподнюю.
Держаться трудно за меня,
Спасаться тоже поздно.

Зачем родился, зачем жил
На белом этом свете?
Что не ценил, чем дорожил,
За что не был в ответе?

Таков итог моей судьбы —
Других путей начало.
Звучанье нудное пчелы
И смерти адской жало.

«Зреет месть, зреют дерзкие мысли…»

Зреет месть, зреют дерзкие мысли.
Искрой месть поджигает костры.
За работу взялись они вместе.
Всегда рядом, словно в любви.

И достигли они вершины,
Разрубили царскую нить.
И в болоте тела невинных
В неизвестности будут гнить.

И кровавая месть совершилась:
Незнакомая кровная месть.
И от радости сердце забилось,
Принесли им, когда эту весть.

Но недолго, совсем недолго
Наслаждаться любовью, двоим.
Смерть пришла за остатком долга,
О котором известно лишь им.

Лежит мумия, как живая,
Похоронена тихо жена.
А Россия вновь молодая,

Вновь разграблена, вновь больна.

Не хочу я, чтоб вновь в России
Пролилась невинная кровь,
Чтоб погибшие попросили
Мстить невинным вновь и вновь.

«А характером Петр: буйный…»

А характером Петр: буйный.
Правил он довольно жестко:
Льется кровь, и летят головы.
Льется кровь, ложатся стрельцы.

Смело принял он на грудь Державу
И величье славы возвратил.
Только трудно истребить отраву
Хитрецов и воротил.

Много роскоши и лоска,
И надменные пажи.
Вроде, просто, но и броско
Поднимали на ножи.

Но осталась великая слава
И великое горе в веках.
А великая личная драма
Была тайной в великих штанах.

Гибкий, стройный, молодой, красивый
Полюбил Катюшу горячо.
Иногда жестокий и ревнивый
Мог ударить грубостью в лицо.

А Россия Петра не забудет.
По-Петровске Россия живет.
Силу русскую в людях разбудит,
Счастье райское возведет.

«Наивные люди…»

Наивные люди
Надеждой живут.
Наивные люди
Счастье ждут.

Поднимется солнце,
И счастье придет.
Опустится солнце,
И горе заснет.

А ночью вновь радость.
А ночью любовь.
Волшебная слабость.
Горячая кровь.

Горячее тело
И трепет сердец.
И звездное небо,
И месяц-отец.

А лунная мама
Ушла погулять.
Небесная драма:
Надо рожать.

Наивные люди
Торжественно ждут.
Родился лунатик.
Луной назовут.

«Смешная золотая осень…»

Смешная золотая осень
И грубость стоящих тополей.
Тепла еще чуть-чуть попросим:
Нам пальцы тонкие согрей.

Хотя лицо мое пылает:
Бордово-красные цветы.
А ветер куст большой качает:
За ним лежишь нагою ты.

Мне не понять все откровенье,
Твоих поступков не понять.
А дико страстное движенье
Не разрешит мне вновь сбежать.

От чистых помыслов любовных
И от великой красоты,
И от обид всегда бескровных,
И кровью политой травы.

Наверно, я еще не вырос.
Наверно, я еще росток,
Который что-то в лесу вынес,
А лес по-прежнему жесток.

Смешная осень золотая
И беспредел всех тополей.
А ты такая молодая
На фоне голубых полей.

«Утром однажды я не проснулся…»

Утром однажды я не проснулся.
Что тогда вдруг началось?
Зять мой с работы сразу вернулся:
Время для спора нашлось.

Зять мой, другой, Камчатку покинул:
Рейсом ближайшим в Москву.
Простынь кто-то мгновенно скинул.
Кто-то бесстрашно бил по лицу.

Но просыпаться, сразу не стоит:
Надо внимательно все осмотреть.
Чье-то величье, чьи-то покои,
Душу чью-то согреть.

Я в бесконечный туннель не посмею
Душу свою втолкнуть.
Может быть, сразу о том пожалею
И захочу обратно вернуть.

Грохот страданья и визг бытия,
Тихая вечная радость
Манят куда-то не только меня.

Видно, у каждого слабость.

К вечному тихо прижаться лицом,
Душу из тела прогнать,
Став ни святым, а подлецом,
И наказание ждать.

* * *

Мне казалось, что ты бесшабашная,
Что дерзить – твое ремесло,
Что трава на поляне скошенная
Не украсит твое лицо.

Не зеленая ты, не зеленая,
Разноцветная красота.
Незавидная роль, отведенная,
Никогда не слушала тебя.

С детских лет твоя смелость дробленая
Удивляла подруг и ребят.
И волна морская, соленая,
И хрустальный цветистый град.

Разбивались о берег отчаянно

Миллионы радостных брызг.
Трогал ветер, как бы нечаянно,
Твое тело, пьянея вдрызг.

Раздевалась открыто, таинственно,
И шокировала красота,
И бросалась в воду воинственно:
Уходило тело до дна.

Не боялась ты Черного моря.
Не боялось море тебя.
После каждого прибоя
Наступала тишина.

* * *

Развратом полный поцелуй
Я не забуду никогда.
Меня раздела ты, разуй
И страстно обними меня.

И пусть завянут от стыда
Кругом растущие цветы,
Вспотеет черная земля
От бури чувств любви.

Я честь твою не сохраню:
Невинность сразу заберу.
Хотя на это ты не шла
Ни с кем и никогда.

И бесполезно волос рвать,
И от бессилия рыдать.
Любовь развратная уйдет,
Как белый в море пароход.

Начнется женская любовь
С началом бурным и концом.
А вся дурная в теле кровь
Испита будет подлецом,

Который душу развратил,
Оставив тело на потом.
Язык твой ласковый – актив,
Всегда хранимый влажным ртом.

* * *

Царица бесшабашная в любви,
Но гордая и сильная на троне,
Взрывает криком холод тишины,
Сдается сразу в обороне.

Рабом становится барон.
Солдат же – генералом.
Работать лихо может ртом,
Не брезгует нахалом.

Любовь ее, как целина,
Как бурное начало.
Любовью города брала
И войско восхищала.

Любила страстно, до конца
Российского престола,
До крика дикого глупца,
До криков диких хора.

В любви Россию не сдала
В порыве наслаждений,
Все без остатка отдала
На благо возрождений.

Царица ненасытная в любви,
Но гордость не теряла.
Нерусская, но русская в любви,
Как русская страдала.

«Культяпый «хрен» дорвался до страны…»

Культяпый «хрен» дорвался до страны,
Разрушил удивительный Союз,
Услышав шепот сатаны,
С России сбросил Крыма груз.

Культяпый предал русскую мечту:
В родное лоно возвратиться Крыму.
Ударил словом резко по лицу.
Наверно, думал, что от слов остыну.

Когда кромсали Родину мою,
Культяпый совершил измену:
Обратно Крым в Россию не возьму,
Как не возьму солдат из плена.

Культяпый гордость русскую отдал
И славу Севастополя предал.
Политый кровью, русскою, причал,
Скорбя мучительно, рыдал.

А черноморский голубой прибой
Ласкал волненье голубой волной.
Когда-то здесь жестокий бой

Потребовал расстаться с головой.

Я не увижу больше рваных губ.
И пьяных глаз я больше не увижу.
Душа его ушла, а сердца стук
Сканировать нельзя, поэтому я крыжу.

«Вечернее платье надела…»

Вечернее платье надела
И все позабыла совсем,
Отдаться танцу хотела,
Себя, предлагая всем.

А музыка требует строго
Держать себя в сильных руках.
И, кажется, вечность до гроба,
А радость в диких кустах.

И, кажется, надо немного
До счастья еще подождать.
И кончится горя дорога:
Не нужен к нему возврат.

А музыка круче и круче,
И кружится голова.
И белые, черные тучи
Уйдут от тебя навсегда.

И чистое синее небо,
И яркое солнце в глаза,
И страсти соленое кредо
Охватит навечно тебя.

Вечернее платье сидело
На острых плечах хорошо.
От счастья лицо посветлело:
Танцуется, вроде, легко.

«Человек, не достоин ты смерти…»

Человек, не достоин ты смерти:
Ты за косы женщин таскал.
Человеку люди не верьте.
Человек, ты подлец и нахал.

Столько лет прогибался под властью,
Что-то мерзкое лихо «лизал».
С непривычной бушующей страстью
О себе всему миру кричал.

Что ж, ты сделал в годину презренья?
Когда жизнь – это только дерьмо.
А пустое твое вдохновенье —
Вновь надутое страхом лицо.

Что-то скажешь, а руки трясутся.
Как бы власть не сказала: в тюрьму.
Или темные силы возьмутся
И поймают тебя на лету.

Словно клоун, трибуну мусолишь,
И в Индийский плюешь океан,
Свою речь неприлично ты солишь,
Либерал и большой хулиган.

Человек, ты русских защитник,
Ты России священной позор.
Человек, ты опасный хищник.
Ты стихия взорвавшихся гор.

«Шло тихо время пьяного «царя…»

Шло тихо время пьяного «царя».
Назначен был приемник молодой.
Разрушена Россия и пуста казна
И надо думать головой

О русской доблести и славе
Напоминал ему народ,
Чтобы о нем что-то узнали
И не смотрели прямо в рот.

Чтобы работал на пределе,
Не знал покоя никогда,
Не думал он о переделе
Чужого русского добра.

И будут радостные лица,
И будет блеск в людских глазах.
А синяя его жар-птица
Пройдется тихо по полям.

И будет счастье у России,
И будет счастье у людей.
А мир чудесный и красивый

Не для зверей, не для зверей.

Лежит по-тихому «царь» пьяный,
Навечно в землю тихо лег.
Его приемник – он упрямый —
Создать пытается свой стог.

«Мой отец – герой Варшавы…»

Мой отец – герой Варшавы,
А во Львове пострадал:
От бандеровской шалавы
Получил в живот «запал».

Вроде, доброе желанье
Повидаться с молодой
После долгого старанья
Сделать девушку женой.

А она, лихая стерва,
В лес зеленый позвала,
Разрядила Вальтер первой,
Пистолет отца взяла.

Не пришел отец в деревню,
Как положено бойцу.
Целый год в кровати скверной
Швы меняли животу.

Пролечился миг Победы,
Отлежал свои бока,
Много горького отведал,
А колола медсестра.

А вернулся в дом отцовский
Не один, как все, с женой.
Он трофей привез бойцовский
Через год – другой весной.

«Открывается равнина…»

Открывается равнина.
Проявляется простор.
По дороге идет Нина:
Вновь заглох автомотор.

Вдоль дороги то березы,
То роскошные дубы,
То разбросанные розы
Или хмурые грибы.

Солнце жаркое канючит
У земли воды нектар.
Воздух терпкий и вонючий:
Старых листьев прелый дар.

Даль далекая не манит,
А от глаз все вдаль бежит,
Сердце дерзкое не ранит
Застудившийся родник.

Веселиться не хотелось
Ветру склочному с утра.
Что-то в жизни завертелось,
Закружилась голова.

Проходили злые мысли.
Доброта вошла в покой.
На дорогу тоже вышли
Чудаки – играть в разбой.

«А в апреле, вроде, жарко…»

А в апреле, вроде, жарко.
Только солнце снова лжет.
Мороз грянет и фиалка
Лепестки свои сожжет.

Обманулась жертва пая:
Раньше срока родилась.
Не дождавшись конца мая,
В рай невинной собралась.

Очень жаль, что так случилось,
Что на злобу нарвалась.
Небо грозное спустилось:
Зима злобе продалась.

Плачут тихие березы,
Плачет хор осин в лесу.
Воскресить не смогут слезы
Ярко цветной красоту.

Мимо грустного рыданья,
Мимо смерти на ветру
Без бессмертного желанья
Пройти, видно, не смогу.

Встану скромно у фиалке.
Слезы струйкой по лицу.
Нет пока подружек стайки.
Их рожденья подожду.

«Ты отмучился недавно…»

Ты отмучился недавно.
Ты свой путь прошел уже,
Похоронен тихо, тайно,
Успокоился в земле.

А враги твои хотели
Твое тело растерзать,
Как вороны, налетели,
Стали дерзости кричать.

Обступили гроб дубовый:
Крышку гроба не сорвать.
Гроб добротный, вроде, новый:
Трудно гвозди вынимать.

Разрубили крышку гроба.
Крышку гроба пополам.
Закипела дико злоба.
Пятна страха по рукам.

Гроб пустым вдруг оказался,
В него тело не вошло.
Никто, вроде, не сознался.
Куда тело убрело?

Тайным было погребенье.
О могиле знает кто?
Не придет твое забвенье:
Забыть горе нелегко.

«Не воскресить былое величие…»

Не воскресить былое величие.
Не вернется Держава моя.
Негодяи в овечьем обличье
Осиротили тебя и меня.

Раздробили великое поле,
Насадили смердящих «царьков»
И раздали бесплатное горе,
Наломав много горьких дров.

Ни тебя, ни меня не спросили:
А хотим мы «раздрая» в стране?
Только в душу и в сердце били
И закапывали в земле.

Разрушенье коснулось величья,
Грубость брошена прямо в лицо.
Нарушая простое приличье,
Поднялось на поверхность «дерьмо».

Все, что скрыто от глаз в подсознанье,
Все, что спрятано хорошо,
Получило теперь признанье
И покинуло грязное дно.

Где наивность, невинность девичья?
Где моральная чистота,
Человеческие приличья,
Человеческие слова?

«Взорвалось вновь мое недовольство…»

Взорвалось вновь мое недовольство.
Взорвалась моя лихо душа.
В жизни стало очень скользко:
Под ногами горит земля.

Я не чувствую опоры.
Я не чувствую солнца тепла.
Постоянно тревожат боли
И слезятся мои глаза.

Как могло такое случиться?
Почему произошло?
Не успел в тебя влюбиться
И забыл твое лицо.

А минуты увлеченья
Превратились лишь в часы.
Незабытое мгновенье —
Час роскошного в любви.

Стонут руки, стонут ноги,
Стонет сердце без причин.
Рвутся косы недотроги.

Вижу это я один.

Взорвались земные мысли.
Взорвались мои друзья.
Видно, все мы рано вышли
Из домашнего тепла.

«Королем я не родился…»

Королем я не родился.
Королем я тупо стал.
Перед миром извинился,
Что от власти я устал.

Королева не согрела
И не ранила меня.
Нянька смелая раздела
И по-тихому ушла.

Долго ждал я королеву,
В ожидание уснул.
Сам ее я не раздену,
Потому что утонул.

Утонул в своей печали,
Опустился ниже дна.
И русалки развлекали,
Развлекали лишь меня.

Безобразны куртизанки,
Безобразная любовь,
Но красивы партизанки,
Когда бродит у них кровь.

Королем я, вроде, умер.
Умер, вроде, в мире сна.
Возвратится власти «шулер»
Бумерангом на тебя.

«Где наивная Матрена?»

Где наивная Матрена?
Где невинная жена?
Не нашел в лесу патрона,
Чтобы выстрелить в себя.

Чтобы плакали матрешки,
Чтоб рыдала и жена,
Тихо скинулись по трешке
На бутылку коньяка.

Я давно уже немолод.
Старикашка я хромой:
Беспокоит меня холод
И скандал с родной женой.

Сколько лет еще осталось
Подниматься по утрам?
Красота со мной рассталась:
Не дается старикам.

Тихий вечер, солнце светит:
Холодны его лучи.
За меня оно ответит
На краю родной земли.

Где ты, тихая Матрена?
Где твой шепот молодой?
Я не слышу больше стона,
Не любуюсь красотой.

«Я грешить всегда желаю…»

Я грешить всегда желаю,
Обожаю почудить,
Бесконечности не знаю,
Но хочу всегда шутить.

С шуткой мне легко живется,
Веселится вся душа.
Незнакомка улыбнется
И посмотрит на меня.

Только это не смущает:
Не зеленые глаза.
Пусть она меня не знает,
Но ее узнаю я.

Роскошь – дикое веселье.
Роскошь – не простой покой.
Нероскошное мгновенье
Увлекается тобой.

Только я грешить не буду:
В этом месяце нельзя.
Отчего-то позабуду:
Почему любовь грешна.

Развлекаются девчонки:
Беззаботные года.
Оторвали собачонке
Пол хвоста.

«Зачем вор во власть приходит?»

Зачем вор во власть приходит?
Чтобы тихо воровать.
Что-то теплое находит
И пристроится сосать.

Хорошо бы в кабинете
Офис фирмы поместить.
Он за фирму не в ответе:
Надо должность полюбить.

Взятки сыпятся из рога,
И откаты не шумят.
Проходимцы у порога
Все на корточках сидят.

Хорошо идет работа
От начала до конца.
А у вора лишь забота:
Не показывать лица.

Чтобы знали только должность,
Ставки знали хорошо,
Видели, какая сложность:
Делать дело нелегко.

Вор потоки направляет
И команды отдает,
Честный труд не призирает,
Но берет, берет, берет.

«Что ж, ты, сука, наделала…»

Что ж, ты, сука, наделала:
Возвратила любовь.
Ты, такая вновь смелая,
Показала мне кровь.

У меня, вроде, первая.
У тебя я второй.
Вроде, ты и не нервная,
Но с больной головой.

Притворилась ты девочкой
И невинность на стол.
Притворилась ты «семечкой».
Разберись-ка, чей пол?

Наказаньем не мучился:
Парень первый не твой.
Мы любить долго учимся
И весной, и зимой.

Кто-то летом обучится
На поляне лесной.
Кто-то осенью ссучится
Под водой дождевой.

Только ты не отважилась
Обмануть вновь меня,
Потому в меня вмазалась
В конце ночи – но вся.

«Горят в костре, но не дрова…»

Горят в костре, но не дрова
Сухие – первый сорт.
Горят в костре людей тела:
Оконченный аккорд.

Какой подлец сложил костер?
Нарушил он закон.
Он на слова всегда остер,
Как колокольный звон.

Чужие жизни отобрал,
Свою же сохранил
И закатил такой скандал,
Что голос застудил.

Шептать не может,
Говорить, наверно, вряд ли будет.
А возмущаться, вроде, тоже
Навечно позабудет.

Спасайте души тех людей:
В огне они повинны.
Не будут жить в семье зверей:
Законны и невинны.

Потухнуть должен тот костер:
Тела уже сгорели.
Но начинается вновь спор:
Другие подоспели.

«Трудиться в поле – не любить…»

Трудиться в поле – не любить
И не рубить дрова.
Наверно, трудно в лесу жить,
Когда горит трава.

Когда дышать уже нельзя,
Но в горле не першит.
И, может быть, спасет вода,
А вечер захрипит.

На дно реки взойдет луна,
Русалок соберет.
А звезды скажут, что друзья
Не смотрят луне в рот.

Трудиться в поле – адский труд.
Любовная интрига.
Мотыги острые упрут:
Их скупит город Рига.

Мне тоже трудно полюбить
Все сельские забавы
И рожь хваленую растить,
На вилах носить травы.

Хотя люблю я обнимать
Девчонок деревенских
И горячо их целовать,
Причуд, не видя, женских.

«Зелень мир спасает мой…»

Зелень мир спасает мой
В тесноте словесной.
Не враждуют меж собой
На скале отвесной.

Если ступишь невпопад,
Полетишь на камни.
И начнется камнепад.
Закрывайте ставни.

Если силу применить,
То скала ответит.
Ей невмочь спокойно жить,
В лоб тебе засветит.

Вновь удары, вновь слеза,
Вновь здесь непонятки.
Сорвались вновь тормоза.
Доиграли в прятки.

Ты шмыгнешь в какой-то лес,
Шляпу потеряешь.
А меня вчерашний бес
Вновь спросил: Стреляешь?

Что ответить, как мне быть?
Черные глазницы.
Чтобы честно мне пожить,
Надо менять лица.

«Что ж, ты наделала, сука?»

Что ж, ты наделала, сука?
Лихо любовь пропила.
Сбросила верность разлука
В пьяном угаре вина.

Страсть одержимая душу
В дымку разврата ввела,
Смачно, как спелую грушу,
Страсти отросток брала.

Стыд, как ненужное бремя,
Вбросила в мутную даль,
Чтобы ушедшее время
Не уронило печаль.

Чтобы не мучила совесть,
Чтобы похмелье прошло,
Чтобы не тронула робость
Брачное кольцо.

Честь молодого супруга
Втоптана в грязную блажь.
Ложе сиденья упруго,
Крепок стальной гараж.

Требует нового тело:
Труп в гараже налицо.
А уголовное дело
Было закрыто давно.

«Монотонно дождь стучит…»

Монотонно дождь стучит
По красивому мертвому телу.
Рядом юноша стоит
Не лицо по уголовному делу.

Здесь свидание должно
Состояться на рассвете,
Как когда-то, но давно
Собирались кучкой дети.

Среди них и наш герой,
И красивая девчонка
С туго стянутой косой
Щебетала очень громко.

Веселились от души:
Счастье детство обещало.
Весной ночи хороши,
Но луна всю ночь рыдала.

Видно, знала, что потом
Грянет скорби дикий гром,
Будет горе под дождем
С озверевшим в край лицом.

А сегодня и сейчас
Монотонно дождь стучит.
И понять пока нельзя,
Что же юноша молчит.

«Положила колдунья на смерть…»

Положила колдунья на смерть
Глаз большого горя бессмертья.
И цыганская вновь круговерть
Поддается обману бессмертья.

Сожжены все ржаные поля,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.